

Игорь Иртеньев

ЕСЛИ ПО УДО

•

Позвонили из дурдома
В полчетвертого утра:
— Извините, Игорь дома?
Это я, его сестра.

— Игорь вышел на минуту
И вернется через час,
Но сдается почему-то,
Что я где-то видел вас.

То ли явно, то ли тайно,
Даже может быть во сне,
Вы когда-нибудь случайно
Не бывали на Луне?

— На Луне я не бывала,
Врать не буду, но зато,
Тонну баксов проипала
Как-то за ночь в спортлото,

Только выйдя из роддома,
Где я тройню родила.
Так, короче, Игорь дома?
Как не дома? Ну, дела!

Где же быть ему, чудиле,
Как не в собственном дому?
Может, вы его убили?
Так скажите, я пойму.

•

Клара Абрамовна, еврейка 62-х лет,
Главный бухгалтер в ООО «Тру-ля-ля»,
Купила в «Пятерочке» десяток куриных котлет,
Филе трески, мороженую клюкву для киселя,
Упаковку говяжьих сосисок, зеленый чай
И еще всякого-разного по мелочам,
Чтобы сына Сему с невесткой в субботу позвать на обед,
Сынок-то, как ни гляди, родной,
А суббота, как ни крути, выходной,
Самое время от праведных отдохнуть трудов,
Вкусив с аппетитом их нехитрых плодов.

С нею согласен Саваоф, по профессии демиург,
Или креатор, что примерно одно и то же,
Их, с Klarой Абрамовной, общих знакомых широкий круг,
Обращается к нему запросто — Боже.
Он, собственно, эту традицию когда-то и ввел в обиход,
А что, имел право, хозяин, как говорится, барин,
И за это избранный им на свою шею, мало кем любимый народ
До сих пор ему от всей души благодарен.

•

«Всему своя отдельная пора, —
Я прочитал у Жана-Поля Сартра, —
Сегодня ты не тот, что был вчера,
И не такой, каким ты будешь завтра,

Сегодня ты такой, какой ты есть,
Не лучше, но при этом и не хуже».
И, за собою наблюдая вчуже,
Не вижу смысла вон из кожи лезть

На этот, блин, ну как его, рожон,
Как этот, как его... в очках таких прикольных...
Поет еще... ну точно, Элтон Джон,
Да разве ж всех упомнишь малахольных.

•

Я был любого общества отбросом,
Курил махру и тормозуху пил,
До той поры, покуда с Аллой Боссарт
В неравный брак однажды не вступил.

Хоть родились мы с ней в одной Отчизне,
В одной стране рабочих и крестьян,
Она была селебрити по жизни,
А я происходил из обезьян,

Что нашим чувствам терпкость придавало
И делало тем самым их прочней,
Как почему-то полагала Алла,
А я давно зарекся спорить с ней,

И к алтарю повел ее под локоть,
На от любви не гнущихся ногах,
Нет, чтобы просто кочергой уюкать,
Как это в наших принято кругах,

А ведь решишь я сразу это сделать,
Чем тупо вить семейное гнездо,
Глядишь, и вышел лет бы через девять,
А то и раньше, если по УДО.

•

Стояла сопливая осень,
Чахоточный моросил,

Ботаник в очках минус восемь
От армии тщечно косил.

Господь его зреньем обидел,
Зато не обидел умом,
И армию он ненавидел
В значении слова прямо.

До боли, до дрожи, до воя
Портяночный дух не терпел
О, как я понимаю его я,
Ведь сам откосить не успел —

Забрили позорные суки
Полвека, считай уж, назад,
Меня, б...ь, под белые руки,
В крошечный, немислимый ад.

По диким степям Забайкалья,
Где Бог не бывал отродясь,
Обдолбан дешевой шмальной,
Тянул я релейную связь,

До глаз засыпаем пургой,
Сходя от безделья с ума —
То, раз вдруг, одно, то другое,
То лето, то снова зима.

Следил затуманенным взглядом,
От шмали той скошенным в бок,
Как падал товарищ мой рядом
И встать уже больше не мог.

Навеки, покорно как овцы,
В том крае барханов и льдин,
Умолкли веселые хлопцы
В живых я остался один.

...Таков был мой личный «Титаник»
И я всей душою тебе
Желаю удачи, ботаник,
В твоей благородной косьбе.

